

0-734133-|

На правах рукописи

Нагайца

Нагайцева Елена Вячеславовна

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СИМВОЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

(на материале творчества А.С. Грина)

Специальность 10.02.19 - теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Барнаул - 2002

Работа выполнена на кафедре общего и исторического языкознания
Алтайского государственного университета

Научный руководитель - доктор филологических наук,
профессор В.А. Пищальникова

Официальные оппоненты - доктор филологических наук,
профессор В.А. Виноградов
- кандидат филологических наук,
доцент Е.Ф. Дмитриева

Ведущая организация - Московский государственный университет

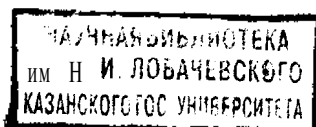
Защита диссертации состоится «14» июля 2002г. в 10.00 часов
на заседании диссертационного совета Д 212.005.01 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора филологических наук в Алтайском государственном
университете (656099, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Алтайского государственного университета

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Лукаш

Лукашевич Елена Васильевна

Проблема символа исследуется в лингвистике, психологии, психолингвистике, **когнитивистике**, философии, семиотике. Свойство быть единицей приобретения, накопления, хранения информации обнаруживает когнитивную универсальность символа и делает его столь востребованным теорией и практикой науки.

Под символизацией часто понимают с одной стороны, процессы идеализации (презентацию стимулов внешней действительности в ментальных образованиях), с другой - опредмечивания (репрезентацию - **«овнешнение когнитивных процессов»** - ментальных образований в структурах и единицах любой из модальностей: **аудиальной**, визуальной, кинетической, вербальной). Поэтому проблема символа прочно связывается с различными теориями отражения действительности в сознании и подсознании человека. Так, психоаналитический и психотерапевтический аспекты исследования символизации нацелены на изучение скрытых детерминант неврозов, комплексов и других психопатологий человека с целью коррекции его психического состояния. Объектом наблюдения психолога-практика является *речевое* поведение человека. Исследователи считают, что именно *расстройство связей и значений* отдельных семантических элементов психики можно рассматривать и как следствие, и как возможную причину психических нарушений [Смирнов 1995]. По вербальным репрезентантам (знаку, символу) определяется / предполагается характер психосемантических нарушений и применяются технологии, корректирующие механизмы **смыслопорождения**.

Уже с этой, практической точки зрения исследование *символа как когнитивной структуры*, фиксирующей *способ* представления и восприятия информации, является перспективным.

В лингвистике и психолингвистике процессы **знакообразования** и их репрезентанты - знаки, символы исследуются в рамках различных теорий лингвистического **знака**, значения, когнитивных структур. Многие свойства символа как специфического знака описаны, но неполно и несистемно. Символизация как способ репрезентации когнитивных процессов **речемыслительной** деятельности индивида - актуальное направление современных психолингвистических исследований. Впервые подробно представлен этот аспект исследования в работах В.П. Белянина [Белянин 2000], который описал диаду «теория личности» - «модель мира» («акцентуированная личность» - «специфическая модель **мира**»). Очевидно, что при дополнении этой диады компонентом «теория значения лингвистического знака (когнитивная? другая?)» гипотеза получила бы **большую** достоверность и объяснительную силу. Без этого

компонента моделирование превращается в поиск набора «ключевых слов», не позволяющих обнаружить когнитивные типы мышления.

В реферируемом диссертационном исследовании *процесс символизации* понимается как *построение концептуальной модели*, детерминирующей способ *обобщения знания при репрезентации стабильных компонентов структуры*. Дополняющим следствием транзитивности является одновременная активация и *вероятностных структурных связей* (латентных когнитивных признаков), что предполагает исследование соотношения стабильных и нестабильных (вероятностных, личностных) компонентов символической модели.

Изучение *процессуальной составляющей* символического моделирования возможно при обращении к художественным текстам как *среде бытования* символа. При этом интерпретация символизации осуществляется от анализа стабильных компонентов модели к изучению их вероятностных, возможных системных связей.

Установка когнитивных исследований на привлечение знаний из других областей познания предполагает увеличение параметров сопоставления способов функционирования символических структур для выявления их стабильных и вероятностных состояний. Представление о стабильных состояниях символической модели оказалось возможным при исследовании концептуализации знания об экзистенции человека в пространстве символической модели «зеркало», представленной в научной картине мира (эпистемология, психоанализ). Представление о способах концептуализации в обыденной картине мира знания о человеке (психике, сознании) выявлено при анализе символики зеркала в фольклорных источниках, литературе, живописи. Последний этап моделирования, предполагающий анализ функционирования символических структур в среде бытования - художественном тексте - позволил наблюдать процесс символизации не только в аспекте генерализации знания, но и в аспекте активации вероятностных отношений компонентов модели. В результате анализа установлено, что процесс символизации - это не только *фиксация сходства* и в меньшей степени различия *сопалагаемых предметностей*, но и активация вероятностных связей компонентов *самой* модели.

В диссертационном исследовании принимается следующее, акцентирующее *транзитивное состояние структуры когнитивной формации*, определение концепта. Концепт - это *динамическая модель*, представляющая *структуру* смысла в мышлении индивида [Пищальникова, Лукашевич 2000]. При этом смысл - соотносимое с определенной реальией ментальное содержание.

Актуальность работы определяется следующими факторами:

1. Недостаточной изученностью проблемы соотношения вербальных и

ментальных структур. Известно, что язык является основной системой переработки, хранения и передачи информации. Когнитивная лингвистика ставит своей задачей исследование языковых категорий как способов упорядочения явлений, хранения больших объемов информации и режимов оптимального поиска нужных сведений в ходе **речетворческого** процесса.

2. Необходимостью дальнейшей разработки *проблемы оснований языковой категоризации*. Изучение принципов, по которым осуществляет категоризацию действительности индивид, подвело исследователей к мысли, что в качестве основания категории часто выступает *не семантический признак*, а «относительно сложная ментальная структура» [Беляевская 2000:10]. Выделение таких **интегративных** ментальных структур и является задачей современной лингвистики. Реферируемая работа отчасти нацелена на решение этой задачи.
3. Важностью исследования в современной науке способов концептуализации и репрезентации экзистенциальных смыслов в пространстве предметных концептов. Одним из таких способов является символизация.

Объект исследования - символ как когнитивная структура. Способы концептуализации в символических моделях (символизация как процесс) являются предметом исследования.

Материалом исследования служат тексты А.С. Грина («Алые паруса», «Блестящий мир», «Бегущая по волнам», «Фанданго», «Серый автомобиль», «Крысолов», «Безногий»), А. Тарковского («Молодости», «Актер»), Л. Черевичника («Мы живем в обманчивой **беспечности...**»). Выбор материала обусловлен тем, что перечисленные тексты всеми исследователями рассматриваются как «символические».

Цель работы - исследовать *закономерности* концептуализации действительности, репрезентированные в вербальных символических структурах.

Достижение поставленной цели предполагает последовательное решение нескольких задач:

1. проанализировать **и** обобщить представленные в науке исследования **символа**, в той или иной мере затрагивающие **его** когнитивно-информативные аспекты;
2. определить круг проблемных вопросов символизации, актуальных для современной лингвистики и психолингвистики;
3. выявить доминантные признаки вербального конструкта;
4. исследовать оппозицию «транзитивность-нетранзитивность» и способы ее концептуализации в художественных текстах;
5. изучить содержание и характер репрезентации когнитивных

процессов в концептуальной модели «зеркало».

Научная новизна исследования заключается в том, что, во-первых, в работе символ *целенаправленно* рассматривается как *вербальная собственно познавательная структура*. | Отдельные замечания, предполагающие когнитивный подход к **символическим** структурам, почерпнуты нами в работах Н.Д. Арутюновой [1990], М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорского [1997], В.П. Белянина [2000], И.А. Бесковой [2000], В.А. Пищальниковой [2000, 2001]. Во-вторых, в работе впервые доказано, что существуют *универсальные* когнитивные структуры, одной из которых является символическая. В работе осуществлена интеграция разных оснований символического моделирования. В-третьих, моделирование концептуальной символической модели «зеркало» выявило *структуру* символа, *модификации* его содержания и *причины*, их обуславливающие. Это позволило сделать теоретически важный вывод о том, что когнитивные модели - универсальные динамические образования, которые могут рассматриваться в состоянии относительной стабильности. До сих пор **когнитивные** структуры (модели, схемы, образы) рассматривались в науке только как статичные

Теоретическая значимость работы. В работе аргументировано представление о символе как вербальной познавательной структуре, на основе которой совершаются не только понимание и фиксация познанного, но и процессы **смыслопорождения**. Это имеет существенное значение как в целом для теории речевой деятельности, так и для теории восприятия вербальных символических структур.

Практическая значимость работы. Теоретические результаты диссертационного исследования могут быть использованы в построении общей теории символа, в вузовской практике - в лексикологии, при разработке спецкурсов по семантике, в курсе общего языкознания.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Символические структуры - это *вероятностные* структуры, которые отражают не столько вероятности самих компонентов, сколько вероятности *соединений* между ними.
2. Символ как когнитивная структура - универсальное *динамическое* образование.
3. Концептуальная символическая модель «зеркало» в разных модальностях (вербальной и визуальной) сохраняет универсальный когнитивный признак - транзитивность.
4. Градационная модификация признака «транзитивность» в процессах символизации является аналогом динамических процессов в сфере психического отражения - *градация деформации формы отражения овнешняет динамику психической напряженности индивида.*

5. В концептуальных символических моделях осуществляется индивидуальное содержательное заполнение *валентностей модели*.

Специфика поставленных цели и задач обусловила использование следующих **методов и приемов** исследования: метод моделирования, концептуальный анализ, компонентный анализ.

Апробация работы. Основные положения исследования в виде докладов, выступлений, сообщений излагались на региональной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.А. Воробьевой (70 лет со дня рождения) (Алтайский государственный университет, 1999г.), на межвузовской научно-практической конференции «Текст: варианты интерпретации» (г. Бийск, 2000г.). Апробация отдельных частей работы проходила на студенческих научных конференциях (1998г., 2000г.) и на аспирантских объединениях в Алтайском государственном университете в 1998-2000гг.

По теме диссертации имеется 7 публикаций.

Структура работы: диссертация состоит из **введения, двух глав, заключения, библиографии, трех приложений.**

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность диссертации, определяются цель, задачи и методы исследования, выделяются объект и предмет исследования, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе «Исследование процессов символизации в современной науке» анализируются и обобщаются существующие подходы к определению природы символического. **Разноаспектный** характер научного обзора целенаправленно задан задачами исследования - представить все стороны символических структур, так или иначе затрагивающие когнитивную сущность символа. Обзор направлен на выявление *возможных общих параметров символа*, обнаруженных учеными в разных науках, для построения *гипотетической модели символа как когнитивной динамической модели*. Основанием для построения **интегративной** гипотетической модели стало следующее.

Символизация **может** рассматриваться как генерализация понятий, при этом в семантической структуре слова-символа представлен предельно обобщенный набор признаков, задающих символическую модель, которая затем транслируется на бесконечный ряд предметностей и их именовании. Сходство усматривается и в новых незнакомых явлениях «как если бы» они были лишь модификациями когда-то давно присвоенных образцов (см.: М. Фуко [1987], К.Г. Юнг [1991, 1997] и др.).

Другие исследователи считают что, в процессах символизации *не выражается подобие между известным и менее известным* (новым), но предлагаются *новые* возможные значения и смыслы [Крюкова 2001].

Символизация рассматривается также как одно из средств компрессирования, экономии усилий коммуникантов за счет указания на общую для носителей языка информационную структуру. В объяснении способов функционирования слов-символов в дискурсивных практиках используют категории - прецедентный текст, метатекст, интертекст (см.: Н.С. Болотнова [1992], Т.С. Борисова [1997], В.В. Красных [1997], Д.Б. Гудков [2000], В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова [2000], Л.О. Бутакова [2001] и др.).

Анализ изучения символа как когнитивной единицы, выявление доминантных признаков вербального конструкта позволило очертить круг проблемных вопросов и определить направление изучения символа в аспекте актуальной для современной лингвистики проблемы исследования концептуализации знания.

Проблема символа как структурного компонента **речемыслительного** процесса является частным проявлением общей проблемы взаимоотношения языка и сознания, мышления и речи. Выход на междисциплинарный уровень (проблема сознания и мышления рассматривается в рамках психологии, патопсихологии, психоанализа, философии, эпистемологии) исследования предполагает дифференцирование признаков **конструкта**, обусловленных, с одной стороны, **технологией** исследования, с другой - присущих реально функционирующему феномену. Использование верифицированных данных других наук при моделировании процессов **знакообразования** определяет специфику когнитивного подхода.

В самом общем виде проблема исследования природы символического в рамках когнитивного **подхода**, не элиминирующего субъекта за скобки процессов знакообразования, может быть сформулирована как соотношение познавательных процессов (**когниций**) и процессов символизации. Под **когницией**, вслед за авторами [Краткий словарь когнитивных терминов 1996:81] в работе понимается **познавательный процесс/совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов - восприятия мира, простого наблюдения за окружающим, категоризации, мышления, речи и пр., служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку либо извне по разным чувственно-перцептуальным каналам, либо уже интериоризованной и реинтерпретируемой человеком.**

Под **символизацией** процессов осознанной и неосознанной психической деятельности в когнитивных исследованиях нередко понимается опредмечивание (материализация) ментальных образов в

знаках любой модальности (визуальной, кинетической, вербальной). Терминология, описывающая процессы и продукты психической деятельности индивида, в настоящее время не имеет четких корреляций даже в исследованиях ученых одной парадигмы. Часто понятия «мышление» и «сознание» употребляются авторами как абсолютные синонимы; но имеются и концепции, настаивающие на необходимости разводить понятия на основании оппозиции «индивидуальный» и «надиндивидуальный», и тогда «сознание» мыслится как существующий в рамках социума и **интериоризируемый** индивидом в процессах коммуникации феномен.

Явления уровня психической деятельности чаще ассоциируются с эмоциональным и волевым компонентами, определяющими черты характера личности, то есть обуславливающими поведение индивида в условиях общения. В сфере психической деятельности индивида нередко выявляют уровни осознаваемых и неосознаваемых процессов. Репрезентация информации на осознаваемом и неосознаваемом уровне рассматривается в связи с понятием «порог восприятия». В когнитивном аспекте процессы осознаваемого/неосознаваемого восприятия информации исследуются в рамках суггестивных технологий информационных процессов в целях манипулирования сознанием индивида [Черепанова 1996; Бэндлер, Гриндер 1995 и др.], в обучающих технологиях (суггестопедия), в психотерапевтических целях [Зейгарник 2000, Смирнов 1995, Бушев 2000].

Определив круг вопросов, касающихся проблемы «символ как вербализованная когнитивная структура», мы рассмотрели модели интерпретации символа в следующей последовательности: символ как когнитивная структура (ментальная презентация), символ как вербализованная когнитивная структура.

Исследование символа как ментальной презентации, коррелирующей с вербальными структурами, представлено в работах З. Фрейда, Э. Фромма, К.Г. Юнга, Ж. Лакана. Некоторые положения авторских концепций используются в современных направлениях литературоведческого анализа художественных произведений [Смирнов 1995, Жолковский и др.], в психолингвистическом подходе к анализу текста [Белянин 2000].

Краткий анализ перечисленных концепций был нацелен на выявление актуальных для когнитивного подхода вопросов: исследуется ли в рамках концепций структура символа, его функционирование; описаны ли механизмы символизации, заявлена ли оппозиция «символ как ментальная презентация» и «символ как вербальная репрезентация», если **заявлена**, то чем определяется специфика вербального символа как структуры хранения, присвоения и порождения информации; имеются ли

универсальные семантические оппозиции, репрезентируемые символическими структурами, и др.

Анализ психоаналитического корпуса исследований природы символического позволил нам определить узловые моменты исследования символа как когнитивной структуры. Символизация как один из способов концептуализации основывается на логической операции *замещения* [Фрейд 1990, 1991].

В концепции К. Юнга *символизация* рассматривается как *ряд трансформаций прототипического* ментального образа - архетипа; поскольку набор признаков «врожденного» образа максимально упрощен, он иногда называется *паттерном, схемой*.

В концепции Ж. Лакана *эгоструктура* личности вписана в символический порядок, который существует *до* личности и формирует ее. Порядок символического мыслится **Лаканом** как глобальный паттерн организации связей в мире. Миниатюрным символом распределения связей во времени и пространстве у Лакана служит «зеркало». Этот ментальный образ, имеющий свою «вещную» опредмеченность, становится *метонимической* заменой, моделью, прекрасно демонстрирующей масштабы связей и их нестабильность. В том же ряду метонимически символизирующих порядок символического представлен у Лакана «язык».

Еще одним символом связей, обуславливающих *эгоструктуру* личности, выступает в концепции Лакана «Другой». Сфера «я» всегда детерминирована валентностью (промежуточным уровнем) с «не-я» (как «другим «я», «Другим»).

В работах Ж. Лакана символизация представлена как *вероятностное* конструирование символических связей, обладающих следующими *свойствами*: *системность*, валентность любому элементу системы; *нестабильность*, изменение одной из валентностей приведет к перестройке всей системы связей.

В философском направлении исследования символический форм высказана мысль о необходимости создать метатеорию символа. Построение междисциплинарной теории символа остается делом будущего, однако уже сейчас намечены перспективные направления для исследования символа как когнитивной модели. Так, постулат **символологии**, высказанный М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорским, о **множественности** интерпретаций символа как способе его существования акцентирует в конструкте, коррелирующем с содержательностью сознания, *транзитивность* его структуры, лишь в этом случае способной зафиксировать «становящееся бытие».

Важно для построения метатеории и понимание символа как вещи, обладающей способностью *индуцировать состояния сознания*,

через которые психика индивида включается в определенные содержания (структуры) сознания, соотносимо с понятием транзитивного состояния знака, предполагающего самоорганизацию в ситуации **знакообразования**. Встречная детерминация континуальной и дискретной (уже зафиксированной в знаке) - ситуация рассматривалась К.Г. Юнгом (архетипы), М. Эпштейном (**кентипы**) - порождает транзитивное состояние знака. Актуальными в концепции символа как *превращенной формы* для изучения человеческой **когниции** являются следующие положения:

- а) Превращенная форма стабилизирует систему, задает набор (ограничительных) связей, определяющих свойства входящих частей.
- б) Превращенная форма - паттерн организации даже виртуальных феноменов.

Одна из моделей символического знака представлена как *реализация эпистемы сходства* в концепции М. Фуко. Специфика функционирования знания в ту эпоху, когда одной из структур его представления выступало **слово-символ** определялась многими факторами.

Одним из параметров, задающих логику познавательной деятельности, явилось представление о тройственной структуре знака. В знаке выделялось то, что *отмечено*; то, что *отмечает*, и то, что *позволяет видеть во втором метку первого*; *сходство* [Фуко 1987:98]. Мышление посредством сходства выдвигало между словом (знаком) и вещью *промежуточную фигуру, обуславливающую их встречу*. Эту общую форму «слова» и «вещи» М. Фуко называет приметой. Эпистема сходства как организующая логическая установка слова-символа выступала транзитивной структурой, осуществляющей переход от мысли об одной вещи к мысли о другой как *пригнанной, соперничающей, аналогичной или симпатичной*; при этом указывался лишь путь обнаружения изоморфизма, но не способ, не механизм установления подобия. Исследование закономерностей механизма символизации приводит М. Фуко к мысли о замкнутости (нетранзитивности) **мира**, к мысли, парадоксально рожденной посредством транзитивных фигур.

Представленные концепции позволяют утверждать, что в исследовании символа, вероятно, вообще нельзя говорить об «изученности проблемы», скорее следует констатировать, что необходимы *новые пути исследования*, новая постановка вопросов. Несмотря на неоднократные попытки выявить *сущностные свойства структуры символа*, в науке нет единого мнения ни по одному из вопросов, определяющих онтологию этого объекта. Поэтому в диссертации ставится проблема другого рода: *поиск иного пути исследования, идущего от моделей символа, а не от конкретных его*

репрезентаций. Оба эти пути возможны, но в работе избран первый, поскольку многолетнее исследование репрезентаций символических содержаний не привело к созданию единой теории символа. Следовательно, оправдан путь от *моделей объекта*, которые фиксировали в разное время сущностные стороны объекта. На этом пути объектом научного исследования является *модель* символической структуры.

Исследование символизации как когнитивного *процесса* обусловило обращение к материалу художественных произведений, являющихся средой бытования символических структур.

Верификация гипотезы о символизации как о построении концептуальной модели, «*задающей*» путь обобщения знания при репрезентации стабильных компонентов структуры, возможна при сопоставительном анализе способов концептуализации в пространствах символических моделей, функционирующих в научной и обыденной картинах **мира**, при этом дополняющим следствием транзитивности становится одновременная активизация и вероятностных структурных связей (латентных когнитивных признаков). Рассмотрение способов концептуализации экзистенциальных смыслов, представленных в первой главе в пространстве концептуальной модели «зеркало», во второй главе было продолжено на материале художественных произведений. Заданные параметры исследования позволили установить, что именно в художественном тексте как среде бытования символических структур проявляется не только генеративный путь символизации, но и активизация вероятностных связей когнитивных признаков.

Во второй главе «**Символические концептуальные модели: организация и функционирование**» представлен анализ функционирования вербальных символических структур в художественном тексте. Осуществлено моделирование конвенционального содержания символа «зеркало» и символики **зеркала**, представленной в рассказах А.С. Грина и поэтических произведениях А. Тарковского и Л. Черевичника.

Моделирование *конвенционального содержания символа «зеркало»* осуществлялось нами на основе данных различных энциклопедических и справочных изданий [см. **Рис №1. Схема концепта «зеркало»**].

Традиционно в символике зеркала отмечаются следующие моменты:

1. Способность отражать - воспроизводить. Зеркало, подобно сознанию **человека**, *фиксирует* многообразие мира [Энциклопедия символов, знаков, эмблем 1999, Керлот 1994]. С *отражательной* способностью зеркала связана его ассоциация с глазами и водой [Энциклопедия символов, знаков, эмблем 1999].

При ассоциировании процессов отражения с зеркалом акцентируются позитивные оценочные модальности - «правдивость, искренность, чистота» [Купер 1995]. Дискретность окружающей действительности («мир есть состояние прерывности, произведенное законами изменения и замещения» [Керлот 1994]) обуславливает периодичность (**сукцессивность**) форм отражения в зеркальной плоскости. Образы появляются в зеркале и исчезают. Признаки «отражение», «пассивность», «периодичность» частотно соотносятся с женским началом и традиционно связываются с символикой луны («зеркало воспринимает образы, как луна воспринимает солнечный свет») [Керлот 1994]. Как известно, луна в символике первобытных племен издревле ассоциировалась с душой. Характеристика зеркала как воспроизводящего, копирующего действительность зафиксирована в китайской **легенде** о том, что первоначально люди зеркального мира входили в настоящий мир и возвращались обратно в Зазеркалье. Но однажды ночью они не покинули реальный мир, и возникла путаница, переполох. Силами Желтого императора они были заточены в зеркалах и отныне лишь повторяли все движения **людей**, как в глубоком сне [Энциклопедия символов, знаков, эмблем 1999].

2. Другим **интегративным** признаком концепта «зеркало» является способность отражать - моделировать. В такой функции «зеркало» ассоциируется с психической жизнью индивида (душой) [Энциклопедия символов, знаков, эмблем 1999]. «Зеркало является символом воображения (или сознания) в его способности отражать внешнюю реальность видимого мира» [Керлот 1994]. Так же, как в психике человека, образы и впечатления удерживаются и хранятся и в отраженной (зеркальной) плоскости, при этом законы «реальной» последовательности событий во времени и их локализация в пространстве для проективного моделирования не актуальны; форма отражения способна трансформировать **сукцессивные** процессы в симультанные и наоборот. «В легендах и фольклоре <...> зеркало служит для вызывания духов с помощью оживления в воображении образов, которые были им восприняты когда-то в прошлом, или с помощью уничтожения расстояний, когда оно отражает то, что было объектом, находящимся прямо перед ним, а сейчас переместилось дальше» [Керлот 1994].

Зеркало как символ души (напряженной психической жизни) ассоциируется с процессом самопознания. Мысль о том, что «ты» и «твое отражение» - единое целое, закрепились в веровании, будто отражение несет часть жизненной энергии владельца. Восприятие зеркального отражения как чуждого «я» облика приводит к ассоциированию с зеркалом идеи двойника (второго «я» человека) [Энциклопедия символов, знаков, эмблем 1999]. Представляется, что ассоциирование зеркала в

указанных аспектах с каким-то «вместилищем», «хранителем» и «продуцентом» всевозможных образов определяет его способность совмещать хронологические пласты (так, считается, что зеркало может отражать душу умершего [Энциклопедия символов, знаков, эмблем 1999], прошлое как бы совмещается с настоящим), а также предсказывать судьбу [Купер 1995]. В зеркальной модели возможно совмещение и пространственных координат. **Воспринимаясь** как определенное «вместилище», зеркало при ассоциировании с «двойником» (или миром данного и искомого) способно множить «виртуальные» пространства. Поэтому в мифах частотна еще и ассоциация зеркала с **дверью** (открытым пространством), через которую душа освобождается от этого мира, попадая в другой мир [Энциклопедия символов, знаков, эмблем 1999, Керлот 1994].

Представляется, что **интегративный** признак «**отражение - воспроизведение**» соответствует восприятию зеркала как «**вместилища**», хранилища каких-либо чувств, образов; при акцентировании в концепте признака «**отражение - моделирование**» зеркало воспринимается как «**орган**», источник, порождающий какие-либо **чувства**, образы.

Концептуальный анализ позволил автору сделать вывод, что одним из способов концептуализации оппозиции «транзитивность - нетранзитивность» в произведениях А.С. Грина является **символизация**.

Доминирование компонента «транзитивный» в семантике вербальных символических структур, функционирующих в рассказах А.С. Грина, обусловлено определенными психологическими закономерностями - таким образом поддерживается креативный характер мышления индивида.

Концептуальная модель «зеркало» представлена рядом своих модификаций в творчестве каждого из **вышеназванных** художников слова: сохраняя узловой паттерн организации внутренней структуры, модель могла трансформироваться за счет изменения связей элементов внешней конфигурации структуры.

Изучая символизацию как один из способов концептуализации знания человека о мире и о себе, мы ограничили рамки исследования следующими параметрами. При отборе материала исследования предпочтение отдавалось тем текстам, где образование символических структур реализовало оппозицию «**транзитивный-нетранзитивный**». В ассоциативном эксперименте на слова стимулы «Ассоль», «Грэй», «Алые паруса», «Бегущая по волнам», «Друд» нередко давались ассоциации смыслового поля «нереальное» - «мечта», «тайна», «фантазия», «феерия», «сказка», «вымысел», «чудо» и т.д., что свидетельствует о четкой

трансформацию до абсурда - визуализировать («**овнешняя** когнитивные процессы») фантомов.

Анализ «зеркальной» символики, представленной в рассказах «Безногий», «Крысолов», «Серый автомобиль», позволяет сделать вывод, что указанная *градация деформации формы отражения* **овнешняет динамику психической напряженности индивида**. Вновь символизация используется для акцентирования личностного смысла - «модуляция динамических процессов от интенсивности до хаотичности, неуправляемости».

Динамика процесса изменения состояния героя репрезентирована в рассказе «Крысолов» **последовательным** появлением когнитивных признаков концептуальной модели «зеркало» (репрезентанты, акцентирующие деформацию отражения: «стоят, как вода в пруде, *тихи и пусты*», «приметы начали *повторяться*», «повторяют *до отупения*», «глаза *мелькали неуловимо*»). В рассказе «Крысолов» концептуальная модель «зеркало» используется как способ актуализации пограничного (транзитивного) состояния героя **рассказа**. Переход из обыденного состояния сознания в измененное («*Другое* влечет меня - то, что *произошло* со мной» [Грин 1991/III:326] акцентирован также семами «заболевание», «потеря сознания», «бред»: «Затем я устал, лег и очнулся, но, встав, тотчас упал, *лишившись сознания*. Это начался тиф, и утром меня отвезли в больницу» [там же:324], «При 41 градусе *бред* принял форму визитов», «К концу третьей недели я *заболел* острой бессонницей» [там же:326].

Концептуализация способа существования в измененном состоянии сознания осуществляется в рассказе посредством «зеркальной» модели.

Апартаменты Центрального Банка («где двести шестьдесят комнат стоят, как вода в пруде, тихи и пусты» [там же:326]), что предложил в качестве временного приюта герою рассказа знакомый лавочник, представляли из себя замыкающийся где-то в бесконечности *лабиринт* из пустых комнат: «Я проходил из дверей в двери высоких больших комнат с чувством человека, ступающего по первому льду. Просторно и гулко было вокруг. Едва покидал я одни двери, как видел уже впереди и по сторонам другие, *ведущие в тусклый свет* далее с еще более темными входами» [там же:327].

Это навязчивое в представлении новых ходов пространство описывается далее в тексте как *зеркальный лабиринт*, в котором множественность переходов воспринимается как оптический эффект зеркального стекла.

Маркером измененного состояния сознания героя становится зеркальная модель (зеркальный лабиринт) как структура, порождающая

аналогию с запутанными «лабиринтами» человеческого подсознания: «Так мог бы, если бы мог, двигаться человек внутри **зеркального отражения**, когда два зеркала *повторяют до оупения* охваченное ими пространство, и недоставало только **собственного лица**, выглядывающего из двери, как в раме [там же:328], «Тогда показалось мне, что тени **зеркальной глубины** полны **согнутых**, крадущихся одна за другой женщин в мантильях или покрывалах, которые они прижимали к лицу, скрывая свои черты, и только их черные глаза с улыбкой меж сдвинутых лукаво бровей светились и мелькали неуловимо [там же:343].

Актуальными когнитивными признаками, фиксирующими аналогию *зеркала как формопорождающей модели и сознания*, выступают следующие компоненты (см. Таблицу №1).

Интегративным (выводным) смыслом аналогии «зеркало - лабиринт» и «лабиринты человеческого разума» становится признак «неуправляемый (навязчивый) процесс порождения форм» (отражений и идей). Бесконечная делимость «вещества» воспринимается героем рассказа как **агрессия**, угроза со стороны не подчиняющихся контролю мыслей: «Иногда я метался, кружась на одном месте, принимая покинутые двери за новые или забегая в тупик. Это было ужасно, как *дурной сон*, тем более что *за мной гнались*, - я слышал торопливые переходы сзади и спереди, - этот *психически нагоняющий шум*, от которого я не мог скрыться» [Грин/III:349].

Рассказ назван «Крысолов», и это символично. Исследователи отмечают, что образы, вынесенные в заглавие рассказов, повестей, романов и т.д., выполняют функцию **интегративных** компонентов при понимании и интерпретации текстов [см.: Кремнева 1999; Фомин 2000]. Не случайно в психоанализе символика крысы расшифровывается как проявление **навязчивых идей**: «крыса - *неуловимое, грозное и плодовитое* ночное животное, обитающее в *мрачном подземном* мире пещер, сточных канав, в сырости тюрем и **колодцев**... Из-за бесшумности своего передвижения и разрушительной алчности, крыса, увиденная нами во сне, может означать присутствие в нашем сознании *изнуряющих навязчивых идей* или иметь отношение к смерти» [Жюльен 1999:205].

Так же как навязчивые (навязчивый - 2. крепко засевший в сознании, *постоянно возникающий* в памяти; **неотступный** [МАС I:336]) идеи, крысы - обитатели **теневого** («подземельного») **мира**; они плодовиты и оттого экспансивны, как невроты, преследующие человека: «коварное и мрачное существо это владеет силами человеческого разума. <...> Они обманывают блеском своих одежд и мягкостью **речи**... Убивают и жгут, мошенничают и подстерегают...» [Грин 1991/III:354].

Таблица №1. Интегративные признаки концептов «зеркало» и «сознание»

<i>Зеркало как формопорождающая модель</i>	<i>Актуальные когнитивные признаки</i>	<i>Модель разума как «лабиринта»</i>
<p>«Нередко в гадательный обряды использовались два зеркала, направленные друг на друга. В образовавшихся зеркальных коридорах предполагалось появление предмета гадания» [Славянская мифология 1995:196].</p>	<p>1. бесконечная делимость пространства</p>	<p>«Так мог бы, если бы мог, двигаться человек внутри зеркального отражения, когда два зеркала <i>повторяют до отупения</i> охваченное ими пространство, и недоставало только собственного лица, выглядывающего из двери как в раме» [Грин 1991/Ш:328 («повторить - 2. <i>отражая, воспроизвести</i>» [МАС II:163], «до отупения» - репрезентант регистрирует предел частотности действия, чреватый «утратой остроты восприятия» [МАС II:718])</p>
<p>«Мир, как состояние прерывности, произведенное законами изменения и замещения, является действующей силой, которая создаст этот квазиотрицательный, калейдоскопический образ появления и исчезновения, отражаемый в зеркале» [Керлот 1994:210].</p>	<p>2. хаотическое «мерцание» примет, образов</p>	<p>«Но и приметы начали повторяться» [Грин 1991/Ш:328], «Тогда показалось мне, что <i>тени</i> зеркальной глубины полны согнутых, <i>крадущихся</i> одна за другой женщин в мантильях или покрывалах, которые они прижимали клицу, скрывая свои черты, и только их черные глаза с улыбкой меж сдвинутых лукаво бровей <i>светились</i> и <i>мелькали неуловимо</i> [там же:343]. (красться - пробириться тайком, стараясь быть <i>незамеченным</i> [МАС I:123], скрывать (черты) - 1//закрывать, прикрывать и т.п., чтобы сделать ч.-либо <i>незаметным, не привлекающим внимания</i> [МАС III:124], (глаза) светились - 2. блестять, отражая свет, лучи [МАС IV:46], блестять -1.сверкать [МАС I:97], сверкать - // при быстром движении, то <i>показываться</i>, проблескивая, то <i>исчезать</i> [МАС IV:41], мелькать- 3. <i>прерывисто</i> светить, мерцать [МАС I:250], неуловимый - 1. такой, которого <i>трудно, невозможно поймать</i>, заставить где-либо; 2.незаметный, неясный, плохо различимый [МАС I:489].</p>
<p><i>Интегративный признак</i> Неуправляемый процесс порождения (форм)</p>		

Отметим еще раз, что в анализируемом рассказе мировосприятие

героя представлено как транзитивное существование обыденного и измененного состояний сознания. Маркерами пограничных состояний выступают лексемы «заболевание», «потеря сознания», «бред». Доминантный личностный смысл рассказа - "Животные инстинкты, залегающие в глубинах нашего бессознательного, в определенных условиях представляют опасность для человека - он может потерять свою «человечность»" - акцентирован 1) совмещением /символизацией когнитивных признаков **формопорождающей** модели «зеркало» и признаков концепта «сознание»; 2) использованием конвенционально закрепленной символической когнитивной структуры, устанавливающей аналогию между процессами в бессознательном человека (отражение инстинктивных порывов человека) и характеристиками животного мира (агрессивными инстинктами крыс).

В концептуальных моделях «зеркало», репрезентированных в стихотворениях **А. Тарковского** и **Л. Черевичника**, представлено индивидуальное содержательное заполнение валентностей модели, символизирующей распределение связей и отношений во времени и пространстве, а также их динамику.

Оппозиция «транзитивный-нетранзитивный» может репрезентироваться и в других концептуальных моделях: выразить *только* связь между явлениями, событиями, персонажами можно и с помощью других средств - «картина», «занавес», «окно». Но, во-первых, в качестве прототипа этого открытого ряда выступает символ «зеркало», который в многочисленных контекстах (см.: Приложение 1, 2) симулирует все эти «вещности», а, во-вторых, именно для символа «зеркало» когнитивный признак «деформация отражения» является архетипическим, что подтверждается иллюстративным материалом фольклорных и литературных источников.

Таким образом, универсальность когнитивной модели подтверждается частотностью актуализации ее доминантных компонентов в самых различных вербальных репрезентантах.

В заключении диссертационного исследования даны основные теоретические и практические выводы, представлены некоторые перспективы дальнейшего исследования.

Основное содержание работы отражено в публикациях:

1. **Нагайцева** Е.В. Концептуальный анализ рассказа А. Грина «Фанданго» // Текст: структура и функционирование: Сб. статей. Выпуск 3. Барнаул: Изд-во Алт. **ун-та**, 1998. С. 3-7.
2. **Нагайцева** Е.В. Семантика транзитивности и ее символы в произведениях А.С. Грина // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Барнаул: Изд-во «Граф Икс», 1999.С. 66-68.

- Нагайцева Е.В.** Символическая структура: к вопросу о функциях // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Сб. статей. Барнаул, 2000. С. 94-95.
- Нагайцева Е.В.** К вопросу о символической репрезентации информации // Текст: структура и функционирование. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. Вып. 4. С. 23-28.
- Нагайцева Е.В.** «Зеркальный» подтекст в рассказе А.С. Грина «Серый автомобиль» // Текст: структура и функционирование: Сборник научных статей. Вып. 5. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2001. С. 93-98.
- Нагайцева Е.В.** Конвенциональное и индивидуальное содержание символа «зеркало» (на материале творчества А.С. Грина) // Текст: варианты интерпретации. Выпуск VI. Бийск: Изд-во БПГУ, 2001. С. 196-198.
- Нагайцева Е.В.** Символические структуры в архитектонике межличностных отношений (Ж. Лакан) // Текст: структура и функционирование: Сборник научных статей. Вып. 6. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2002. С. 18-23.

